

УДК 81.2.2
DOI 10.17223/18137083/75/16

Аффиксальное словообразование прилагательных в улчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским

В. А. Горбунова

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются представленные в улчской словообразовательной системе модели адъективного производства при помощи деривационных суффиксов. В общей сложности выделяется и описывается более двадцати пяти моделей, по которым осуществляется образование прилагательных от мотивирующих слов шести различных частей речи. Для каждой модели определяются значения формантов, специфика их сочетаемости с мотивирующими основами и границы семантического варьирования дериватов; выявляются аналоги в близкородственных языках с последующим анализом различий в особенностях компонентов и смысловом наполнении. Отмечаются парадигматические отношения синонимии и омонимии, складывающиеся между словообразовательными единицами в крупнейших (отсубстантивном и отглагольном) блоках.

Ключевые слова

улчский язык, словообразование прилагательных, словообразовательные суффиксы, словообразовательные модели

Для цитирования

Горбунова В. А. Аффиксальное словообразование прилагательных в улчском языке в сопоставлении с нанайским и орокским // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 222–234. DOI 10.17223/18137083/75/16

Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Orok languages

V. A. Gorbunova

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper studies morphological derivation in the Ulch language, presenting an overview of adjective derivation by means of suffixes. Over twenty patterns are listed and described in detail, including the data on the affixes used, the semantic alteration they inform to the base, the specifics of their compatibility with core words from different lexical categories and various semantic groups within specific parts of speech. In the Ulch language, adjectives can be formed from the words of various lexical categories: nouns, verbs, adverbs, pronouns, numer-

© В. А. Горбунова, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 2
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 2

als, and other adjectives. However, nouns and verbs are most actively featured in derivation patterns of adjectives, with the rest represented by a few models with medium to low productivity. Noun-to-adjective and verb-to-adjective derivations display a wide range of semantic modification through affixes, establishing different types of relationships between derivatives and core words, indicated by special suffixes. Some of the most widely used are defined by: 'presence of the object indicated by core noun,' 'presence of the quality indicated by core noun,' 'origin indicated by core noun,' 'result of action indicated by core verb,' 'affinity to the action indicated by core verb,' 'inability to perform the action indicated by core verb,' etc. The comparison with Nanai and Orok derivation systems has revealed a significant overlap between the patterns used for adjective production. At the same time, some of the suffixes typical for the Ulch language proved not to be present in Nanai and Orok at all, while the others show distinct differences in the meaning they communicate or the types of stems they can be connected to.

Keywords

adjective derivation, derivational suffixes, derivational patterns, Ulch language

For citation

Gorbunova V. A. Adjective derivation through affixation in the Ulch language in comparison with Nanai and Orok languages. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 2, pp. 222–234. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/75/16

Данная статья продолжает серию исследований, направленных на подробное освещение ульчской словообразовательной системы. Малая степень изученности языка делает актуальной задачу определения полного круга моделей, использующихся для аффиксального производства лексем различной категориальной принадлежности, а также выявлению общих закономерностей, характеризующих систему в целом. Адъективное морфемное словообразование до настоящего времени получило лишь краткий обзор с выделением нескольких продуктивных моделей в работах первых исследователей ульчского языка – Т. И. Петровой и О. П. Суника. Настоящее исследование ставит своей целью дополнить и углубить сведения об адъективном словопроизводстве: составить список формантов, применяющихся при образовании прилагательных, установить границы их сочетаемости с основами, сформулировать словообразовательные значения для соответствующих моделей. Привлечение материалов близкородственных языков, входящих в нанайскую группу, осуществляется с целью выявления своеобразных черт ульчской словообразовательной системы и уточнения сведений о словообразовательных единицах путем сопоставления с аналогами, представленными в других системах.

Производные прилагательные в ульчском языке могут быть мотивированы словами из различных лексико-грамматических классов: существительными, наречиями, числительными, местоимениями, другими прилагательными или же глагольными основами.

Образование имен прилагательных от имен **существительных** производится по семи различным моделям; три из них выделяются высокой по сравнению с прочими продуктивностью. Наиболее широко распространены в выборке прилагательные с компонентом *-чу* в морфемной структуре. Существенная семантическая дифференциация внутри данной группы лексем свидетельствует о том, что они представляют собой дериваты двух разных моделей с омонимичными формантами.

Первая из этих моделей имеет следующий вид: 'основа существительного (наименование материального объекта или вещества) + суффикс *-чу I* = относитель-

ное прилагательное, характеризующее референта по наличию / содержанию объекта / субстанции'. В зависимости от того, к какой тематической группе относится мотивирующее существительное, деривационное значение может приобретать различные смысловые оттенки.

Среди реализаций модели частотны примеры, в которых производящее слово обозначает неавтономный материальный объект, элемент более крупного предмета либо наименование той или иной особенности конструкции последнего. В семантике производных прилагательных центральным является признак наличия соответствующих компонентов в структуре определяемого объекта:

алдан 'промежуток, щель' > *алданчу* 'с промежутками, с трещинами, с щелью'; *алчуан* 'предплюсна' > *алчуанчу* 'костлявый, суковатый'; *гуйчэ* 'крыша' > *гуйчэчу* 'покрытый крышей'; *ирга* 'орнамент, рисунок, узор' > *иргачу* 'с узором, орнаментом, вышивкой'; *мокчун* 'извилина, изгиб' > *мокчочу* 'с кривизной'; *намуча* 'складка' > *намучачу* 'со складкой'¹.

Другую крупную группу составляют прилагательные, образованные от существительных, которые называют разные типы субстанций – присоединение суффикса *-чу I* представляет содержание соответствующего материала или вещества как определяющую характеристику:

симсэ 'жир, масло, сало' > *симсэчу* 'жирный'; *симата* 'снег' > *симатачу* 'заснеженный'; *даусун* 'соль' > *даусунчу* 'соленый, с солью'; *енукса* 'сопли' > *енуксачу* 'сопливый'; *зорин* 'галька, речные камушки' > *зоринчу* 'каменистый'.

В случаях когда производящие слова называют вещи, относящиеся к личной сфере человека (предметы одежды, украшения), или же объекты, обладающие высокой ценностью, общее значение определения через наличие может дополняться семантикой обладания:

айсин 'золото' > *айсинчу* 'с золотом, имеющий золото'; *ан'ан* 'ожерелье' > *ан'анчу* 'с бусами, имеющий бусы'; *мурин* 'лошадь' > *муринчу* 'имеющий лошадь'; *ута* 'обувь' > *утачу* 'с обувью'.

Наконец, следует отметить, что при образовании прилагательных от существительных с конкретной семантикой возможна трансформация в качественное значение. Как правило, она происходит за счет разнообразных процессов смыслового переноса (метафорического, метонимического, по ассоциативной связи) внутри производной основы. Подобные примеры немногочисленны в выборке и, по всей видимости, носят окказиональный характер:

улсэ 'мясо' > *улсэчу* 'имеющий мясо, плоть – полный'; *мёван* 'сердце' – *мёванчу* 'имеющий сердце – сердечный, великодушный'; *узэһ* 'мозг' > *узэһчу* 'имеющий мозг – умный'; *пивсун* 'порыв урагана' > *пивсучу* 'содержащий в себе ураган – шумный'; *бочо* 'цвет, окраска' > *бочочу* 'имеющий цвет – румяный'.

В близкородственных языках наиболее близким суффиксу *-чу I* по смысловому наполнению представляется орокский суффикс *-лу* со значением 'обладающий тем, что названо основой; имеющий то, что названо основой', хотя на первый план в нём выступает семантический компонент 'обладание', а не 'наличие'. Кроме того, ульчская и орокская модели обнаруживают различия и в типах производящих слов: для орокской в наибольшей степени характерны наименования живых существ, лиц, частей тела [Озолина, 2013, с. 52].

¹ Толкования лексем формулируются на базе статей Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, а также словарных материалов, представленных в работах Т. И. Петровой и О. П. Суника.

Функционирующий в ульчской словообразовательной системе суффикс *-чу II* в противоположность *-чу I* способен присоединяться только к существительным с абстрактной семантикой². Дериваты представляют собой качественные прилагательные со значением ‘обладающий качеством, названным мотивирующим словом’, как правило, референтные наименованиям лиц, в редких случаях – предметов:

арган ‘хитрость, обман’ > *арганчу* ‘хитрый’; *аксан* ‘обида’ > *аксанчу* ‘обиженный’; *байта* ‘поступок, преступление, судебное дело’ > *байтачу* ‘виновный, виноватый’; *таман* ‘цена’ > *таманчу* ‘ценный’; *кусун* ‘сила’ > *кусунчу* ‘сильный’; *кэси* ‘счастье’ > *кэсичу* ‘счастливый’.

В словообразовательных парах этого типа деривация также может сопровождаться образным переосмыслением значения отсубстантивного прилагательного, усложняющим соотношение семантики производящей и производной лексем:

амбан ‘злой дух’ > *амбачу* ‘содержащий в себе злого духа – сумасшедший’; *мурун* ‘мысль’ > *мурунчу* ‘имеющий мысли – умный’; *гүни* ‘направление’ > *гүнчу* ‘имеющий направление – целеустремленный’.

В орокском языке выделяется модель с суффиксом *-ту (ттү) / -тэ (ттэ)*, соответствующая ульчской модели с суффиксом *-чу II* по всем признакам, кроме фонологической идентичности формантов: в качестве производящих основ используются существительные с абстрактной семантикой, деривационное значение формулируется как ‘обладающий признаком, названным основой’, дериватами являются качественные прилагательные [Озолиня, 2013, с. 51].

Третья продуктивная отсубстантивная модель словопроизводства в ульчском языке имеет общий вид ‘существительное со значением субстанции + суффикс *-ма / -мо / -мэ I*’. Она регулярно используется для образования прилагательных, обозначающих характеристику по материалу. Группа лексем, образованных данным способом, обширна, но при этом семантически однородна – развития деривационного значения путем расширения круга производящих основ или метафоризации в ней не наблюдается:

гирамса ‘кость’ > *гирамсама* ‘костяной’, *мб* ‘дерево’ > *мбма* ‘деревянный’, *хуйэ* ‘рог’ > *хуйэмэ* ‘роговой’; *бусу* ‘материя, ткань’ > *бусума* ‘матерчатый, из ткани’; *геон* ‘медь’ > *геома* ‘медный’; *запу* ‘войлок’ > *запума* ‘войлочный’; *зувэ* ‘лед’ > *зувэмэ* ‘ледяной’; *колдон* ‘кедр’ > *колдомо* ‘кедровый’; *талу* ‘береста’ > *талума* ‘берестяной’.

Следует отметить, что степень представленности материала или вещества в предмете является в ульчской лексической системе значимым признаком. Градация такого рода получает выражение благодаря наличию двух моделей с близким, но не совпадающим словообразовательным значением. Модель с суффиксом *-чу I* указывает на присутствие в описываемом объекте материала, обозначенного основой, в относительно небольшой мере, в то время как модель с суффиксом *-ма / -мо / -мэ I* определяет его как основную составляющую часть. О релевантности этой оппозиции свидетельствует большое количество словообразовательных гнезд, где представлены оба деривата:

² Для суффиксов *-чу I* и *-чу II* отмечаются единичные случаи присоединения к основам других частей речи, например: *оркин* ‘плохой’ > *оркинчу* ‘с виной, с грехом, виноватый’, *лаикти-* ‘вывихиваться’ > *лаикчу* ‘с вывихом, повреждением’, которые, однако, не носят системного характера.

золо ‘камень’ > *золомо* ‘каменный’ и *золочу* ‘с камнем, каменистый’; *улултэ* ‘перья, пух’ > *улултэмэ* ‘пуховый, сделанный из пуха’ и *улултэчу* ‘пуховый, содержащий пух, перья’; *нүтэ* ‘смола’ > *нүтэмэ* ‘смоляной’ и *нүтэчу* ‘смолистый’; *сийан* ‘песок’ > *сийама* ‘песчаный, из песка’ и *сийанчу* ‘с песком’.

Модель с суффиксом *-ма / -мо / -мэ* и значением ‘признак по материалу’ имеет широкое хождение в нанайской группе языков: она активно используется в нанайской и орокской словообразовательных системах и обнаруживает во всех трех языках полное структурно-семантическое единообразие, без выраженной специфики [Аврорин, 1955, с. 220; Озолиня, 2013, с. 51].

Достаточно регулярное представление в ульчской языковой системе получает словообразовательная модель с суффиксом *-вли / -ули*. Присущее ей деривационное значение можно обозначить как ‘характеризующийся качеством, названным производящей основой’. При этом в роли производящих слов могут выступать только существительные, называющие признаки, которые доступны для осязательного восприятия:

н’ама ‘тепло’ > *н’амавли* ‘теплый’; *нуңди* ‘холод, мороз’ > *нуңдули* ‘холодный’; *пэку* ‘жара, зной’ > *пэкувли* ‘жаркий’; *амта* ‘вкус, сладость’ > *амтаули* ‘вкусный, сладкий’.

Подобная же закономерность в выборе производящих основ для суффикса *-вли / -ули / -ли* наблюдается и в орокском языке, однако образование при этом происходит от прилагательных – исходное категориальное значение признака уточняется за счет дополнительного семантического компонента ‘воспринимаемый органами чувств’ [Озолиня, 2013, с. 53]. Вместе с тем в исходном описании ульчской словообразовательной системы прилагательные с суффиксом *-вли / -ули* рассматривались одновременно как отсубстантивные, отглагольные и отнаречные дериваты [Суник, 1985, с. 37]³. Требуется более глубокий анализ синтагматических особенностей производящих слов, чтобы установить, происходит ли деривация непосредственно от основ других частей речи или же присоединению суффикса предшествует адъективация.

Суффикс *-ңи* встречается в ограниченном круге лексем, но обнаруживает широкую сочетаемость – в роли мотивирующих слов в соответствующей модели могут выступать существительные различных тематических групп. Производные прилагательные такой структуры выражают неконкретизированное значение ‘имеющий отношение к соответствующему предмету, существу или явлению’. Исследователи не выделяют в рассматриваемых тунгусских языках моделей, идентичных по типу семантической трансформации и словообразовательному показателю:

буйу(н) ‘зверь’ > *буйуңи* ‘звериный’; *алба(н)* ‘налог’ > *албаңи* ‘налоговый’.

Суффикс *-пти II* присоединяется к ограниченному кругу субстантивных основ с выраженной темпоральной семантикой. Дериваты, образующиеся по этой модели, выражают общее значение ‘присущий обозначенному периоду’:

боло ‘осень’ > *болопти* ‘осенний’; *тимай* ‘утро’ > *тимайпти* ‘утренний’; *сиксэ* ‘вечер’ > *сиксэпти* ‘вечерний’; *долбо* ‘ночь’ > *долбопти* ‘ночной’.

Наряду с данной схемой словопроизводства в ульчском языке представлена также отсубстантивная модель с суффиксом *-ри*, область применения которой

³ В выборке отмечаются немногочисленные случаи употребления суффикса *-вли / -ули / -ли* с наречными основами *пакти* ‘темно, черно’ > *пактувли* ‘темный’; *анана* ‘завидно’ > *ананавли* ‘хороший, редкий (достойный зависти)’; отглагольная деривация по аналогичной модели представлена единичными примерами.

оказывается *ўже*: в качестве производящих слов в ней выступают только наименования времен года. Образованные по такой схеме прилагательные передают семантику ‘присущий сезону, названному основой’:

зува ‘лето, летом’ > *зувари* ‘летний’; *туэ* ‘зима’ > *туэри* ‘зимний’.

Аналогичным образом в нанайском языке прилагательные, выражающие признак соотнесенности со временем года, образуются по двум разным моделям с суффиксами, идентичными ульчским. В. А. Аврорин подчеркивает, что это не является свидетельством избыточности словообразовательной системы, но объясняется различным характером деривационного значения. Нанайские производные прилагательные с суффиксом *-ри* определяют материальный объект как соответствующий сезону, предназначенный для употребления на его протяженности. Напротив, производные прилагательные с суффиксом *-нти* отличаются более диффузной семантикой (‘присущий времени года, названному основой’) и свободной сочетаемостью [Аврорин, 1955, с. 201]. Представляется возможным допустить, что подобная оппозиция характерна и для ульчской системы, хотя словарные материалы не фиксируют случаев образования разноструктурных дериватов от одной субстантивной основы.

В орокском языке также известны случаи образования прилагательных с темпоральной семантикой путем присоединения суффикса *-нти* к существительным. Представлена и модель производства прилагательных от существительных при помощи суффикса *-ри*, однако она отличается широким смысловым диапазоном по сравнению с родственными языками: наименования временных отрезков составляют здесь только одну из групп производящих слов [Озолина, 2013, с. 52]. Различия в смысловой наполненности не позволяют с уверенностью экстраполировать наличие смысловой оппозиции в моделях *-нти* и *-ри*, выявленной в нанайской словообразовательной системе, на всю группу языков.

Основы **глаголов** являются основным источником ульчского адъективного словопроизводства наряду с существительными: система моделей с их участием отличается многокомпонентностью и многочисленными парадигматическими связями между единицами. В общей сложности насчитывается более десяти схем образования прилагательных от глаголов.

Наиболее активно в ульчской словообразовательной системе реализуется модель отглагольного производства прилагательных с суффиксом *-кту I*. Как и употребительная отсубстантивная модель с суффиксом *-чу I*, она характеризуется обширным кругом дериватов и разнообразием в типах мотивирующих основ.

Модель представлена в двух основных разновидностях. Первая характеризуется использованием основ переходных глаголов, обозначающих различные виды действия, направленные на объект. В сочетании с суффиксом *-кту I* они образуют прилагательные с семантикой ‘подвергшийся действию, названному производящей основой’:

боки- ‘связать’ > *бокикту* ‘связанный’; *букталу-* ‘переломить’ > *букталукту* ‘переломанный’; *дахала-* ‘победить, подчинить, покорить’ > *дахалакту* ‘подчиненный, покоренный’; *луктучи-* ‘протыкать, пробивать насквозь’ > *луктучукту* ‘пробитый, продырявленный’.

Во второй, несколько менее распространенной вариации модели в качестве мотивирующей единицы выступает основа непереходного глагола, обозначающего физический процесс:

сэпту- ‘ржаветь’ > *сэптукту* ‘ржавый’; *мада-* ‘увеличиться, разбухнуть, распухнуть’ > *мадакту* ‘разбухший, распухший, увеличенный’; *ката-* ‘линять, обле-

зять' > *қатақту* 'облинявший, облезлый'; *бучу-* 'коробиться, морщиться' > *бучуқту* 'покоробившийся'.

Модели с суффиксом *-қту* и его фонологическими вариациями отмечаются также в нанайской и орокской словообразовательных системах; для обеих характерно аналогичное деривационное значение признака по результату действия [Аврорин, 1955, с. 202; Озолия, 2013, с. 54–55].

Схема словообразования, использующая суффикс *-ку I*, обнаруживает явное сходство с моделью с суффиксом *-қту I* по смысловому наполнению, при этом отличаясь более узким кругом производящих основ и несколько меньшей частотностью употребления. Она имеет общий вид 'основа переходного глагола, обозначающая действие, направленное на объект + суффикс *-ку I* = прилагательное, определяющее лицо или предмет как несущий следы воздействия, названного мотивирующим словом':

гудэчи- 'рвать, разрывать' > *гудэчэку* 'рваный, дырявый'; *моркола-* 'скручивать' > *морколаку* 'витой, извитый'; *қапсача-* 'перевязывать, забинтовывать' > *қапсачаку* 'с повязкой, перевязанный бинтом'.

В близкородственных языках прямых соответствий модели с суффиксом *-ку I* не отмечается. Нанайская модель, использующая суффикс *-ка / -кэ* и содержащая смысловый компонент признака по результату воздействия, не может считаться таковым из-за специфического критерия отбора производящих слов: в качестве мотивирующих здесь выступают только основы глаголов деструктивной семантики [Аврорин, 1955, с. 202].

Помимо моделей с суффиксами *-қту I* и *-ку I* в ульчском аффиктивном словообразовании представлены еще две малопродуктивные схемы производства, формирующие то же значение признака с оттенком результативности ('несущий на себе следы действия, названного производящей основой'), не осложненное никакими дополнительными оттенками. Модель с суффиксом *-қпин* применяется для производства прилагательных от непереходных глаголов, модель с суффиксом *-нту(н)* – для переходных:

-қпин: *холо-* 'испачкаться' > *холоқпин* 'испачканный'; *лаиқпи-* 'вывихиваться' > *лаиқпин* 'вывихнутый, поврежденный'.

-нту(н): *уричи-* 'загибать' > *урипту* 'изогнутый'; *қаралу-* 'оторвать' > *қаралуту* 'оторванный'.

У образованных от глагольных основ прилагательных с суффиксом *-ма / -мо / -мэ II* то же ядерное значение признака по результату воздействия дополняется смысловым компонентом 'способ производства' за счет семантики производящей основы, которая всегда обозначает некоторый тип созидательного действия:

анзу- 'строить, делать' > *анзума* 'искусственный, сделанный'; *н'уру-* 'писать' > *н'урумэ* 'написанный от руки'; *урпу-* 'шить' > *урпумэ* 'сшитый'.

В. А. Аврорин, описывая функционирование соответствующей модели в нанайском языке, указывает на ее органическое сходство с отсубстантивной моделью с омонимичным суффиксом (она представлена и в ульчском): в обоих случаях в роли определяющего признака выступает материальное происхождение предмета [Аврорин, 1955, с. 221]. Таким образом, возникновение отглагольной модели с суффиксом *-ма / -мо / -мэ II*, вероятно, следует рассматривать как результат переноса продуктивной схемы отсубстантивного образования на другой тип основ. Подобная тенденция ранее отмечалась и в словообразовании существительных [Горбунова, 2020, с. 19].

Представляют интерес отдельные примеры, где глагольная основа дополняется суффиксом *-ха(н)*. В дериватах такой структуры реализуется базовое деривационное значение признака по результату действия, но семантический сдвиг оказывается особенно сильным и часто сопровождается метафоризацией:

амбаптизу- ‘помешаться, сойти с ума’ > *амбаптизухан* ‘пропащий, опустившийся’; *гвāду-* ‘стать тощим, изможденным (о кете-зубатке после икромета)’ > *гвāдуха* ‘истощившийся, ничего не имеющий’.

Наряду с моделями, смысловое ядро которых составляет семантический компонент ‘результат действия’, в ульчском языке отмечаются также схемы словопроизводства, где соотношение производной основы с производящей строится на базе причинной связи. К таковым относятся модели с суффиксами *-пси* и *-қта / -қтэ*, имеющие схожее словообразовательное значение ‘обладающий способностью провоцировать действие, названное мотивирующей основой’:

-пси: *ңэлэ-* ‘испугаться’ > *ңэлэпси* ‘страшный, опасный’; *пэскэ-* ‘удивляться, интересоваться’ > *пэскэпси* ‘удивительный, интересный’.

-қта / -қтэ: *булбу-* ‘умереть, погибнуть’ > *булбуқтэ* ‘смертоносный’; *вāлчу-* ‘спорить’ > *вāлчуқта* ‘спорный, сомнительный, несуразный’; *дблди-* ‘слышать’ > *дблдиқта* ‘чуткий, бдительный’.

Модель с суффиксом *-пси* отличается более обширным ареалом распространения, находя прямые соответствия в нанайском [Аврорин, 1955, с. 203] и орокском [Озолина, 2013, с. 55] языках.

Крупную группу образуют модели с целым рядом различных формантов, несущие общее словообразовательное значение ‘склонный к состоянию, названному мотивирующей основой’. Доминирующее положение среди них занимает схема словопроизводства с суффиксом *-қту II*. Ее дериваты относятся к разряду качественных прилагательных, описывающих характеристики лица, а мотивирующие глагольные основы называют физиологические процессы, эмоциональные состояния или типы поведения:

али- ‘уставать’ > *алиқту* ‘немошный, слабый, усталый’; *амасу-* ‘хотеть спать’ > *амакту* ‘сонливый’; *йэсэңги-* ‘вспотеть’ > *йэсэңгиқту* ‘потливый’; *йада-* ‘устать, утомиться’ > *йадақту* ‘легко утомляющийся, слабый’;

агда- ‘поверить, увериться’ > *агдақту* ‘доверчивый, наивный’; *тихала-* ‘согласиться’ > *тихалақту* ‘покорный, послушный, уступчивый’; *сумэчу-* ‘скрывать, таить, секретничать’ > *сумэчуқту* ‘скрытный’; *илазу-* ‘смущаться, стесняться’ > *илазиқту* ‘стеснительный, стыдливый’.

В реализациях данной модели также отмечаются единичные примеры, в которых семантика производящей основы в результате ассоциативного переосмысления видоизменяется сильнее, чем предполагает прибавление смыслового компонента, выражаемого суффиксом, например: *дэнсуву* ‘трудиться’ > *дэнсуқту* ‘озабоченный’.

Активно функционирующая в ульчской словообразовательной системе модель с суффиксом *-ку II* вступает с рассмотренной выше моделью *-қту II* в отношения полной синонимии. Оба суффикса выражают идентичное значение ‘признак по склонности к состоянию или виду деятельности’ и присоединяются к глагольным основам трёх смысловых разновидностей – называющим физиологический процесс, тип поведения или эмоциональное состояние. Следует отметить, что модель с суффиксом *-ку II* наиболее регулярно использует основы из последней группы:

завансу- ‘зевать’ > *завансуку* ‘много зевающий, сонный’;

упура- ‘упустить рыбу, зверя’ > *упураку* ‘неудачливый, упускающий случай’;

бэңсэ- ‘робеть, трусить, нервничать’ > *бэңсэку* ‘пугливый, робкий, нервный’;
гэвхэдэ- ‘бормотать, нервничать, психовать’ > *гэвхэдэку* ‘ворчливый, сердитый,
неуравновешенный’; *лайда*- ‘надоедать, выпрашивать, навязываться’ > *лайдаку*
‘надоедливый’; *мора*- ‘кричать, реветь’ > *мораку* ‘вспыльчивый; беспокойный’.

Отличительной чертой модели с суффиксом *-псу(в)ли* является избирательная сочетаемость форманта: мотивирующие основы в подобных парах называют различные типы поведения, чаще всего с оценочной окраской. Дериваты, соответственно, несут в себе значение характеристики по образу действия:

начизусу- ‘капризничать’ > *начизусули* ‘капризный’; *ургусу*- ‘надоедать’ > *ургусули* ‘надоедливый’.

Данная модель, вероятно, имеет общее происхождение с орокской, оперирующей суффиксом *-псиули / -псули / -ули / -вли / -(у)ли*, однако спектр их значений обнаруживает существенные различия. В орокской словообразовательной системе данный суффикс употребляется значительно шире, присоединяясь к основам глаголов деятельности, проявления признака и т. д. [Озолия, 2013, с. 55].

Мало распространенный суффикс *-ңга* также употребляется для выражения семантики характеристики лица через соотнесение с определенной манерой поведения:

имдала- ‘изловчиться, быть искусным, умелым’ > *имдаңга* ‘ловкий, искусный’.

Суффикс *-си* в исходной функции является формантом, несущим грамматическое значение отрицания. Тем не менее, закрепление ряда отрицательных форм как самостоятельных единиц в ульчской лексике указывает на то, что на данном этапе в языковой системе функционирует омонимичный аффикс с полноценным словообразовательным значением. Суффикс *-си* фигурирует в модели производства прилагательных, представленной двумя вариациями. Первая предполагает присоединение аффикса к глагольным основам, обозначающим физические процессы, реже – направленные на объект действия, и образует лексемы с семантикой ‘неспособный подвергаться действию, названному производящей основой’:

хблү- ‘объехать, обойти’ > *хблүваси* ‘необъезжаемый’; *сэпту*- ‘ржаветь’ > *сэптуси* ‘нержавеющий’; *суру*- ‘промокнуть до нитки’ > *сурэси* ‘непромокаемый’.

Во второй вариации в качестве производящих слов выступают глаголы эмоциональных состояний. Введение суффикса *-си* формирует деривационное значение ‘характеризующийся отсутствием склонности к действию, названному производящей основой’:

булдазу- ‘впасть в тоску, в уныние’ > *булдазиси* ‘решительный, неунывающий’; *илазу*- ‘смущаться, стесняться’ > *илазиси* ‘бессовестный’; *кичэ*- ‘стараться, быть прилежным’ > *кичэси* ‘небрежный’; *қайраси*- ‘жалеть’ > *қайрасиси* ‘безжалостный’.

Случаи когда основы **прилагательных** усложняются за счет добавления деривационных суффиксов, немногочисленны. Как правило, словообразовательное значение в этих парах сводится к уточнению степени проявления признака, называемого мотивирующим словом. Единичность примеров такого рода в выборке затрудняет точное определение смыслового компонента, который привносит каждый из суффиксов.

Исходя из словарных толкований суффикс *-қту III* сообщает признаку, названному производящим прилагательным, оттенок слабой выраженности, малой интенсивности:

готули ‘горький’ > *готулиқта* ‘горьковатый’; *довли* ‘хромой’ > *довлеқту* ‘хроменький’.

Семантическая наполненность модели с суффиксом *-ку / -кэ* может быть описана только с опорой на материалы близкородственных языков. По всей видимости, она сближается с нанайскими моделями, оперирующими суффиксами *-ко / -ку* и *-кан / -кэн*, которые выражают значение ‘предельная степень отрицательного признака’ [Аврорин, 1955, с. 209]. Сходство прослеживается также и в том, какие лексемы способны соединяться с суффиксами этого типа, – в обоих языках это прилагательные, описывающие габариты предмета и характеризующие их как небольшие или недостаточные:

нэктэку ‘низкий’ > *нэктэкукэ* ‘низенький’; *нэмдэ* ‘узкий’ > *нэмдэку* ‘тоненький, узенький’.

Производство прилагательных от **наречий** по большей части происходит смешанным лексико-синтаксическим способом, где в качестве словообразовательного показателя выступает десемантизированная глагольная форма *би*; аффиксальная деривация развита значительно слабее. В выборке она представлена небольшой группой одноструктурных дериватов с суффиксом *-пти I*. Производящие наречные основы в этих парах делятся на два типа: одни обладают темпоральным значением, другие – пространственным:

балана ‘давно, прежде, раньше’ > *балапти* ‘старый, древний’; *тисэ* ‘вчера’ > *тисэпти* ‘вчерашний’; *тэли* ‘тогда, давно’ > *тэлипти* ‘давнишний, прежний’;

горо ‘далеко, долго’ > *горопти* ‘отдаленный, давний, поношенный’; *зули* ‘перед’ > *зулупти* ‘передний, прежний, предшествующий’.

Как отмечалось выше, модель с омонимичным суффиксом применяется и в отсубстантивном производстве. Ее деривационное значение оказывается уже, ограничиваясь темпоральной семантикой. Наличие связи между двумя моделями разного типа очевидно, однако однозначно определить какую-либо из них как первичную представляется затруднительным – они обнаруживают сопоставимую регулярность применения и степень закрепленности в языковой системе. В словообразовательных системах тунгусских языков модели с суффиксом *-пти* также последовательно отличаются широкой дистрибуцией: в орокском формант употребляется с основами существительных, прилагательных и наречий [Озолия, 2013, с. 53, 59], в нанайском – с основами наречий и существительных [Аврорин, 1955, с. 221]. Тем не менее, близость семантики производящих лексем категориальному значению наречия, а также большая семантическая вариативность отнаречных дериватов по сравнению с отсубстантивными может говорить о том, что в ульчском языке первичным является производство прилагательных подобной структуры от наречий, тогда как отсубстантивная модель с омонимичным суффиксом *-пти II* возникает на его базе по принципу аналогии.

Числительные выступают в роли производящих слов для особого разряда прилагательных с количественной семантикой. Большую часть данной группы составляют порядковые прилагательные-числительные, образующиеся путем присоединения суффикса *-й* к названиям чисел первого десятка. В нанайском и орокском языках словопроизводство данной категории прилагательных-числительных происходит таким же способом с небольшими фонологическими различиями в аффиксальном оформлении [Аврорин, 1955, с. 239; Озолия, 2013, с. 59]:

умун ‘один’ > *умуй* ‘первый’; *дуин* ‘четыре’ > *дуйи* ‘четвертый’; *зақпун* ‘восемь’ > *зақпуй* ‘восьмой’; *илан* ‘три’ > *илий* ‘третий’; *надан* ‘семь’ > *надай* ‘седьмой’.

Модель вида ‘количественное числительное + суффикс *-сун* = прилагательное, определяющее референт по признаку количества рядов, названного основой’, яв-

ляется универсальной для нанайской группы языков. В ульчской словообразовательной системе она, по всей видимости, применяется наименее регулярно; дериваты с подобной структурой находят слабое отражение в словарных материалах:

умун 'один' > *умусун* 'одинарный, однорядный; однозначный'.

Производство прилагательных от **местоимений** представлено отдельными непродуктивными схемами, по которым образуются закрытые ряды лексем со смешанной референтно-признаковой семантикой. К данному классу относятся две близкие по структуре и словообразовательному значению модели, образующие местоимения-прилагательные с семантикой принадлежности.

Модель вида 'личное местоимение + суффикс *-н* = прилагательное-местоимение, выражающее идею принадлежности лицу, названному основой':

си 'ты' > *син* 'твой'; *сү* 'вы' > *сун* 'ваш'.

Модель вида 'вопросительное местоимение + суффикс *-ңи* = прилагательное-местоимение, выражающее идею принадлежности лицу, названному основой':

ңуй 'кто' > *ңуиңи* 'чей'.

Помимо этого отмечаются отдельные примеры производства прилагательных-местоимений от основ местоимений путем присоединения суффикса *-ачи*, выражающего семантику идентичности: *ти* 'тот' > *ти-ачи* 'такой же'. Все ульчские словообразовательные модели, использующие местоимения в качестве мотивирующего слова, имеют прямые соответствия в рассматриваемых тунгусских языках [Аврорин, 1955, с. 250; Озолиня, 2013, с. 57–58].

Характеризуя ульчское адъективное словообразование в целом, следует отметить относительное многообразие источников и используемых формантов: производство осуществляется от основ всех представленных в языке самостоятельных частей речи при помощи более чем двадцати пяти словообразовательных суффиксов. Набор использующихся формантов в значительной степени совпадает с теми, которые представлены в других языках нанайской группы, однако соответствующие модели нередко обнаруживают различия в критериях сочетаемости аффиксов с мотивирующими основами и семантическом диапазоне производных прилагательных.

У ряда моделей, относящихся к отсубстантивному и отглагольному классам, проявляется тенденция к расширению семантического спектра дериватов за счет производства от лексем нескольких тематических групп, а также процессов семантического переноса в производных основах. Случаи употребления словообразовательных формантов в сочетании с основами, относящимися к другому лексико-грамматическому классу, чем в исходной модели, также встречаются в выборке, хотя отличаются несколько меньшей частотностью по сравнению с субстантивным словообразованием.

Приложение

Список суффиксов, использующихся
при словообразовании прилагательных
в ульчском языке

Addendum

A list of suffixes
used for adjective derivation in the Ulch language

-ачи 'признак по идентичности'

-вли / *-ули* 'признак по качеству (доступному для осязания)'

- й ‘признак по количеству’
- ку I ‘признак по результату действия / воздействия’
- ку II ‘признак по склонности к действию’
- ку/-кэ ‘отрицательный признак в предельной степени’
- қтин ‘признак по результату действия’
- қта/-қтэ ‘признак по способности провоцировать действие’
- қту I ‘признак по результату действия / воздействия’
- қту II ‘признак по склонности к действию’
- қту III ‘слабо выраженный признак’
- ма/-мо/-мэ I ‘признак по материалу’
- ма/-мо/-мэ II ‘признак по способу производства’
- н ‘признак по принадлежности’
- ңга ‘признак по склонности к действию’
- ңги ‘признак по соотнесенности с предметом / лицом / явлением’
- пси ‘признак по способности провоцировать действие’
- псу(в)ли ‘признак по склонности к действию’
- пти I ‘признак по соотнесенности с временным / пространственным отрезком’
- пти II ‘признак по соотнесенности с сезоном’
- пту(н) ‘признак по результату воздействия’
- ри ‘признак по предназначённости для сезона’
- си ‘признак по неспособности осуществлять действие / подвергаться действию’
- сун ‘признак по числу рядов’
- ха(н) ‘признак по результату действия’
- чу I ‘признак по наличию объекта / субстанции’
- чу II ‘признак по наличию абстрактного качества’

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Л.: Академия наук, 1959. 283 с.
- Горбунова В. А. Словообразование имени существительного в ульчском языке (в сопоставлении с нанайским и орокским) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 9–19.
- Озолина Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 373 с.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.

References

- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad, Akademiya nauk, 1959, 282 p.
- Gorbunova V. A. Slovoobrazovanie imeni sushchestvitel'nogo v ul'chskom yazyke (v sopostavlenii s nanayskim i orokskim) [Noun derivation in the Ulch language (in comparison with Nanai and Orok languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 2, pp. 9–19.
- Ozoliny L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [The grammar of the Orok language]. Novosibirsk, Geo, 2013, 373 p.
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985.

Сведения об авторе

Горбунова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

vicgor89@mail.ru

Author ID 697568

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova – Candidate of Philology, Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

vicgor89@mail.ru

Author ID 697568